

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

ТАНГУТЫ в Центральной Азии

*Сборник статей
в честь 80-летия
профессора Е.И.Кычанова*

МОСКВА
Издательская фирма
«Восточная литература»
2012

УДК 94(5)
ББК 63.3(5)
Т18

*Издание выполнено при поддержке
Фонда Цзян Цзин-го
(Chiang Ching-kuo Foundation for
International Scholarly Exchange), Тайвань*

Составитель и ответственный редактор
И.Ф. Попова

Тангуты в Центральной Азии : сб. ст. в честь 80-летия проф. Е.И. Кычанова / сост. и отв. ред. И.Ф. Попова ; Ин-т восточных рукописей РАН. — М. : Вост. лит., 2012. — 501 с. : ил. — ISBN 978-5-02-036505-6 (в пер.)

Сборник, в который вошли статьи отечественных и зарубежных ученых, посвящен 80-летию известного российского востоковеда, доктора исторических наук, профессора Е.И. Кычанова. Проблематика сборника задана основными доминантами многолетнего исследовательского творчества юбиляра, который, являясь в первую очередь тангутоведом и опираясь на широчайшую источниковедческую базу, блестяще разработал многие актуальные проблемы истории государственности, права, этногенеза, письменного наследия народов Китая и Центральной Азии. Большинство авторов статей постарались показать, как вопросы, поставленные в свое время в работах Е.И. Кычанова, получили дальнейшее развитие в науке.

ISBN 978-5-02-036505-6

© Институт восточных рукописей РАН, 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательская фирма
«Восточная литература», 2012

С.В. Дмитриев

Тангутские растения по «Перлу в ладони». Декоративные цветы и деревья¹

Данная статья, как мы надеемся, открывает серию работ, посвященных изучению одного из интереснейших источников по истории тангутского языка и тангутской культуры — двуязычного словаря «Своевременный перл в ладони тангутского и китайского языка»² (𣎵𣎵𣎵𣎵𣎵𣎵 *Mi ža ngwu ndzje mbu pja ngu nje*³; 𣎵𣎵𣎵𣎵𣎵𣎵 *Фань хань хэ-ши чжан-чжун чжу*) (далее: «Перл в ладони»), составленного в 1190 г. тангутом 𣎵𣎵𣎵𣎵⁴ *Kwə lde rje phi*⁵. Это единственный из известных нам тангутских словарей, где

¹ Содержание публикуемой статьи в целом основывается на исследовательской методике, выработанной в рамках Тангутского семинара М.В. Софронова. При этом все ошибки и недочеты лежат исключительно на совести автора статьи.

² В отечественной литературе встречаются разные варианты перевода названия словаря: «Жемчужина в руке», «Перл в руке» (Кычанов 2008, с. 452–453), «Тангутско-китайский своевременный перл в руке» (Сафронов 1968, т. I, с. 16) и др. Мы далеки от того, чтобы считать предлагаемый нами вариант лучшим или единственно верным, но нам кажется, что он вполне соответствует тангутскому названию словаря, которое, очевидно, и нужно прежде всего принять во внимание.

³ Для передачи звучания тангутских знаков мы пользуемся реконструкцией М.В. Софронова. (О ней подробнее см.: Софронов т. I, с. 69–144; т. II.)

⁴ В статье «Материалы для изучения тангутского произношения» Н.А. Невского все знаки имени автора, кроме первого, установлены ошибочно (Невский 1960а, с. 112); в то же время в словаре им приведен совершенно правильный вариант (Невский 1960в, т. II, с. 87).

⁵ В научной литературе сложилась традиция называть автора «Перла в ладони» Гулэ Маоцай (иногда — Гулэ Мао цай) 骨勒茂才, поскольку именно в таком виде его имя значится в китайском варианте предисловия к его труду (Ли Фань-вэнь 1997, л. 26 (с. 339)). Совершенно очевидно, что это не вполне верно с научной точки зрения. Век назад использование китайского варианта этого имени было оправданно, так как не существовало стройной научной системы тангутской фонетики, но теперь она есть, и нет преград для того, чтобы называть тангутов по-тангутски. Родовое имя автора «Перла» — Квэлде фонетически передано китайскими знаками более или менее верно, хотя они не могут передать некоторых нюансов смысла тангутских знаков, ее составляющих (если первый знак фамилии не имеет другого значения, кроме родового знака

текст снабжен переводом на иной язык, поэтому «Перл в ладони» не только может по праву называться «розеттским камнем» тангутского языка, но и выгодно отличается от своего египетского собрата ценностью содержания. Не случайно именно этому памятнику была посвящена одна из первых в российском тангутоведении работ (Ivanov 1909). К сожалению, в статье, познакомившей научный мир с уникальным памятником, А.И. Иванов допустил ряд досадных ошибок (подробнее об этом см.: Невский 1960б, с. 23–25). И это, возможно, стало одной из причин того, что внимание ученых, стремившихся дешифровать тангутскую письменность, обратилось не к словарю, а к буддийским сутрам, китайский текст которых был хорошо известен и мог использоваться для создания билингв. Этот метод дал свои результаты, но привел к тому, что на протяжении длительного времени тангутоведы, сравнительно хорошо представляя себе философскую и религиозную лексику, испытывали огромную нехватку знаний в области повседневной жизни тангутов, сведений о которой в сутрах почти не было. Влияние такого подхода ощущается по сей день.

В любом случае «Перл в ладони», содержащий ценную информацию о повседневной жизни тангутов, так и не стал объектом подробного исследования и перевода, несмотря на то что этот памятник знаком каждому тангутоведу. Н.А. Невский внимательнейшим образом проработал «Перл в ладони»

(Ли Фань-вэнь 1994, № 2606, с. 494), то второй имеет значение «тигр» (Невский 1960в, т. I, с. 586). Несколько сложнее дело обстоит с третьим и четвертым знаками (Риепху), которые принято считать именем автора «Перла в ладони». Эти два тангутских знака могут быть переведены как «блестящий ученый», «[человек] с великолепными способностями» (Ли Фань-вэнь 1994, № 3202, с. 599; № 1876, с. 358–359) и, в принципе, могли бы быть неплохим вариантом имени для ученого интеллектуала. Но ряд соображений мешает нам принять эту версию. Китайский вариант бинорма, *маоцай*, является синонимом слова *сюцай* 爵 (человек) цветущего таланта), как называли человека, успешно сдавшего государственный экзамен на первую из трех ученых степеней, или просто образованного человека, ученого. Слово *маоцай* в этом значении стало использоваться при Восточной Хань (25–220) и было время от времени употреблявшимся синонимом слова *сюцай* вплоть до начала XX в. (Хань-юй да цыдянь 1997, т. III, с. 5443). Стоит отметить, что в оригинале «Перла в ладони» эти два знака заметно меньше, чем знаки, обозначающие фамилию автора, и вообще весь остальной текст предисловия (как в тангутской, так и в китайской версии) (Ли Фань-вэнь, 1997, л. 16, 26 (с. 338, 339)). Этот факт, равно как и значение бинорма, заставляют нас предположить, что, возможно, речь идет не о личном имени человека (или его *nom de plume*), а об ученой степени или почетном (возможно, придворном) титуле. К сожалению, насколько нам известно, данное выражение пока обнаружено только в предисловии к «Перлу в ладони», однако нужно отметить, что Е.И. Кычанов пишет о существовании ученого звания 爵 *rje ngwu* (букв. «[человек] с ученой / талантливой речью») (Кычанов 2006, № 1654-1, с. 278; Кычанов 1987–1989, т. IV, с. 647), в состав которого входит один из знаков рассматриваемого бинорма. Мы крайне мало знаем об ученых степенях в государстве тангутов, но, возможно, перед нами все же одно из них. Нужно отметить, что, по смыслу соответствуя распространенному китайскому термину, структурно бинорм не калькирует его и прилагательное стоит после определяемого слова, как это и надлежит в тангутском языке: вероятно, система ученых званий у тангутов (по крайней мере терминология) была в значительной степени оригинальной. Если наше предположение верно, то имя автора «Перла в ладони» должно, если подходить к вопросу с полной научной последовательностью, фигурировать не в привычной китайской форме, а в виде «риепху Квэлде» (или «Квэлде-риепху»).

и включил многие примеры из него в свой словарь. Но он отлично понимал условность и неоднозначность китайского перевода и далеко не всегда передавал тангутские знаки значениями китайских. Судя по всему, «Перл в ладони» гораздо больше интересовал ученого как источник по тангутской фонетике.

Памятник не раз издавался: в 1982 г. появилась американская публикация (Kwanten 1982), к сожалению без перевода и комментария. В 1989 г. вышла книга, над которой работали крупнейшие китайские тангутоведы Хуан Чжэн-хуа, Не Хун-инь и Ши Цзин-бо (Гулэ Маоцай 1989); в книгу включен факсимильный текст памятника, а также индексы тангутских и китайских знаков. Лучшее из известных нам китайских изданий «Перла в ладони» опубликовано в 1994 г. в составе монографии Ли Фань-вэня, формально посвященной ряду вопросов фонетики китайского языка эпохи Сун (Ли Фань-вэнь 1994). Помимо фундаментального исследования фонетики по данным памятника книга содержит факсимильное издание разных оттисков текста «Перла» и, что даже более важно, переписанный текст, выполненный с большим тщанием и точностью, с которым работать значительно проще, чем с плохо изданными факсимиле подлинника. Все это позволяет рассматривать данное издание как основное при работе с текстом памятника.

Важной вехой в области изучения повседневной жизни тангутов является книга А.П. Терентьева-Катанского «Материальная культура Си Ся», в которой впервые в мировой историографии с опорой на источники (в том числе и письменные) разбираются разные стороны жизни и культуры тангутов. В книге приведена обширная информация из «Перла в ладони», но, к сожалению, автор счел, что этот словарь «почти полностью использовал» Н.А. Невский, и опирался на его текст только в тех случаях, когда тот или иной знак не был включен Н.А. Невским в его словарь (Терентьев-Катанский 1993, с. 8–9).

Как было сказано выше, «Перл в ладони» принципиально отличается от других тангутских словарей и тезаурусов, дошедших до наших дней, наличием перевода на китайский язык, что особенно важно для точного определения названий растений и животных. Проблема правильного определения видов растений очень остро стоит и в китайских текстах разного времени. Традиционная китайская ботаника, тесно связанная с медициной, с одной стороны, учитывала, видимо, почти все десятки тысяч видов флоры Китая, с другой стороны, была не в состоянии привести эту гигантскую информацию к научной системе. Поэтому во многих случаях для обозначения нескольких видов (часто даже не родственных) используется один термин, и наоборот — для одного вида отмечено несколько названий. Ситуация осложняется тем, что названия различались в разных регионах Китая. Названия менялись с течением времени, при этом старые термины время от времени всплывали в цитатах из текстов прошлого, что вносило дополнительную сложность. Наконец, огромную роль играло то, что абсолютное большинство ученых старого Китая, занимавшихся проблемами ботаники, были людьми сугубо гуманитарного склада и, отлично разбираясь в старых текстах и комментариях, крайне плохо представляли себе собственно растения.

Определение названий растений в тангутском языке представляется нам еще более сложным. Кроме «Перла в ладони» мы располагаем только списками названий растений без каких бы то ни было пояснений относительно их внешнего вида или характеристик. Этимологии «Моря письмен» по отдельным знакам могут дать почву для догадок, но далеко не всегда. На этом фоне «Перл» отличается принципиально: наличествующий китайский перевод названий растений также не является прямой отсылкой к ботаническим атласам, но дает гораздо большую надежду понять, что же имеется в виду. А значит, мы получаем возможность лучше определить знаки, значение которых по другим памятникам известно скорее приблизительно, попытаться понять, чем руководствовались тангуты, обозначая данные растения этими знаками, разобраться в принципах тангутской ботаники и системы обозначений растений. Не стоит забывать, что точное определение видов растений, включенных в словарь, порядок их расположения в тексте могут дать нам крайне интересный материал о жизни тангутов и их миропонимании.

Все эти соображения приводят нас к уверенности, что подробный разбор раздела «Перла в ладони», посвященного растениям, может принести интересные результаты и, возможно, положить начало новому этапу изучения памятника, которого он давно ждет.

Раздел, посвященный растениям, не выделен в тексте заголовком или виньеткой (что вообще характерно для этого словаря), он следует за разделом, посвященным полезным ископаемым и земляным работам; после него идут знаки, обозначающие названия животных. Раздел занимает листы 13а–16а памятника; в нем 82 термина. Больше всего, конечно, названий культивируемых растений и их плодов, но есть и дикорастущие виды; названия формируют подгруппы, в каждую из которых входят растения, объединенные тем или иным признаком. Эти подгруппы также не маркированы составителем и издателем и, таким образом, могут быть вычленены только в ходе изучения памятника. В данной статье, как мы уже указывали, мы начинаем это изучение с двух первых тематических подгрупп — декоративных цветов и растений.

Мы убеждены, что для правильного понимания терминов необходимо максимально прояснить значение знаков, их составляющих, для чего мы приводим для каждого знака данные трех основных словарей — Н.А. Невского⁶, Е.И. Кычанова⁷ и Ли Фань-вэня⁸. Создатели тангутской письменности, видимо, очень большое значение придавали объяснению этимологии знаков — для обучения своего народа этой сложной материи ими были созданы специальные словари — «Море письмен» и «Драгоценные рифмы моря письмен» (*Вэньхай бао юнь*). Во всех случаях, когда указанные памятники сообщают нам этимологию знака, мы приводим ее в нашем анализе. К сожалению, анализ, сделанный самими тангутами, приводится далеко не для всех знаков.

⁶ Невский 1960в.

⁷ Кычанов 2006.

⁸ Ли Фань-вэнь 1997.

Наконец, для верификации возможных заимствований нами использованы тибетские словари (Lama Dawasandup Kazi 1919; Chandra Das 1902; Goldstein 2004) и специализированные компендиумы (Голубой берилл 1994), а также тюркские материалы — словари Махмуда Кашгарского (Mahmud al-Kasgari 1982) и Клаусона (Clauson 1972).

I

苑

wa, mbo

園林

юань, линь

Сад [и] лес

1. Сад, парк (Невский 1960в, т. I, с. 497; Кычанов 2006, № 4246-0, с. 602; Ли Фань-вэнь 1997, № 4102, с. 759). Учитывая некоторое сходство звучания (согласно образцовому словарю «Гуан юнь» (廣韻, «Широкие рифмы», 1011 г.⁹), знак *юань* тогда читался как *t'wep* (Хань-цзы гу-цзинь инь-бяо 1999, с. 199), и можно предположить, что слово «парк» было заимствовано тангутами у китайцев.

2. Лес, роща (Невский 1960в, т. II, с. 424; Кычанов 2006, № 2720-0, с. 403); группа/отряд, лес, павильон/бельведер (Ли Фань-вэнь 1997, № 3890, с. 720). Согласно толкованию «Моря письмен», в знак входят элементы знаков «идти» (寢 *ndžjei*) и «место пребывания, место нахождения, дом, дворец, здание» (龍 *mje*), а также правая часть знака «собратся, столпиться» (叢 *low*) (Море письмен 1969, № 1544, ч. I, с. 263; л. 51 (ч. I, с. 549)). Трудно не обратить внимание на то, что составители словаря хотели передать с помощью данного знака два основных значения: лес — место, где много деревьев, а также хороший вариант для размещения путевой ставки. Лес рассматривается как пристанище для путника, что вполне понятно, исходя из кочевых традиций тангутов: лес, не слишком часто встречающийся в местах их обитания, и вправду представляет собой отличное место для стоянки, так как может снабжать кочевника водой, топливом и обильным кормом для скота.

В данном бинеме нам предлагается два основных места произрастания растений: сад (парк, огород) — вместилище культурных растений и лес — место произрастания растений диких. Конечно, далеко не все растения (особенно в стране тангутов) произрастают исключительно в лесу — гораздо большие площади занимают степи, полупустыни и горы. Но, видимо, антитеза культурного, созданного человеком парка, и дикого, естественного леса привлекла создателей словаря своей наглядностью и заставила их несколько отступить от реальности. И хотя в китайском языке *юань-линь* может переводиться и просто как «парк» (Ricci 2001, № 13245, vol. VI, p. 1099), нам кажется

⁹ Подробнее о нем см.: Крюков, Малявин, Софронов, 1984, с. 239–241.

ся, что в данном случае это именно два слова, в некотором роде даже антонимы.

Эти знаки начинают в «Перле в ладони» раздел по растительной тематике.

II

緞箋(笺)¹⁰

viā, ma

花菓

хуа, го

Цветок [и] плод

1. Цветок (Невский 1960в, т. II, с. 30; Кычанов 2006, № 2639-0, с. 390; Ли Фань-вэнь 1997, № 2467, с. 467). Согласно толкованию «Моря письмен», в знак входят элементы знаков «красивый, милостивый» (緞 *thiou*) и «красота, внешность, великолепный» (箋 *viā*), правая часть знака «плод» (箋 *ma*) (Море письмен 1969, № 1966, ч. I, с. 263; л. 65 (ч. I, с. 563); таким образом, создатели знака вложили в него и идею о прелести цветка, и напоминание о том, во что ему суждено превратиться.

Н.А. Невский видит в фонетике данного знака параллели с тибето-бирманскими языками мосо, лоло и китайским (Невский 1960в, т. II, с. 31). Согласно словарю «Гуан юнь», китайский знак *хуа* («цветок») читался как *hwa* (Ханьцзы гу-цзинь инь-бяо 1999, с. 312). Действительно, сходство чтений трудно не

¹⁰ Правильное написание данного знака остается спорным. Н.А. Невский и М.В. Софронов, по всей видимости, полагают, что он состоит из двух элементов «человек» (Невский 1960в, т. II, с. 50–51; Софронов 1968, т. II, с. 360, № 3746). Н.А. Невский графически несколько выделяет левый элемент, удлиняя его завершающую черту и заводя ее под правую часть знака, но тем не менее располагает знак в рубрике элемента «человек». В то же время Ли Фань-вэнь и Е.И. Кычанов, судя по всему, предлагают считать левую часть знака отличной от элемента «человек», выделяют его в отдельный элемент (Кычанов 2006, № 5754-0, с. 774; Ли Фань-вэнь 1997, № 2436, с. 462). Совершенно отчетливо выделяют этот особый элемент в целом ряде знаков переводчики русского издания «Моря письмен» (Море письмен 1969, ч. II, с. 199). Трудно сказать, кто прав, — ни тангутские ксилографы (Море письмен 1969, л. 27 (ч. I, с. 525), ни «Перл в ладони» (Ли Фань-вэнь 1994, л. 13а (с. 350) не дают четкого ответа на этот вопрос. В обоих случаях можно заметить, что левый элемент знака несколько больше правого и его завершающая черта несколько заходит под правый элемент, но в целом они совершенно идентичны, их завершающие черты также сходны. Конечно, выделение подобного элемента позволило бы отличить этот знак от, скажем, знака 倏 *šion* («ничтожный, низкий человек») (Невский 1960в, т. II, с. 50) и ряда других (в списке М.В. Софронова таких четыре — № 3745–3748). Необходимо отметить, что в тангутской письменности не так много знаков, полностью дублирующих друг друга графически — за этим следили. Однако, как кажется, если бы тангуты — создатели письменности хотели выделить еще один элемент, отличный от элемента «человек», они могли бы сделать это более наглядно — в их распоряжении был огромный инструментарий созданного ими сложного письма. Ни в коей мере не претендуя на последнее слово в данном вопросе, мы склоняемся к тому, чтобы принять точку зрения Н.А. Невского и М.В. Софронова: удобство современного читателя не должно быть сильнее желания как можно более верно понять логику создателей письменности.

заметить¹¹. Но тут, скорее всего, речь должна идти не о заимствовании, а о свидетельстве родства тангутского и китайского языков: слово «цветок» относится к базовым понятиям языка, которые заимствуются сравнительно редко.

2. Фрукт, плод (Невский 1960в, т. II, с. 50–51; Кычанов 2006, № 5754-0, с. 774; Ли Фань-вэнь 1997, № 2436, с. 462). Согласно толкованию «Моря письмен», знак состоит из правой части знака «спелый, созреть» (𠄎 *we*) и левой части знака «доходить, достигать» (𠄎 *ni*)¹² (Море письмен 1969, № 798, ч. I, с. 150; л. 27 (ч. I, с. 525)).

Данный бином вводит два базовых понятия описания растений — цветок и плод. В дальнейшем мы увидим, что знаком «цветок» обычно обозначали садовые или дикие растения, ценившиеся прежде всего за декоративные свойства, в то время как знак «плод» обычно, хотя и не всегда, сопровождал наименования садовых и огородных культур. Эти знаки маркируют разделение описываемых растений на два важных класса — востребованных с эстетической точки зрения и полезных практически. Таким образом, эти два слова, как и в предыдущем словосочетании, в определенном смысле противопоставляются друг другу, однако этимология первого знака не дает забыть об изначально заложенной создателями письменности идее их неразрывного родства.

Этими знаками в «Перле в ладони» завершается группа понятий, относящихся к введению в тему растений.

III

纒𠄎

thjow ldju vja

牡丹花

мудань-хуа

Древовидный пион

1. Красивый, миловидный (Невский 1960в, т. II, с. 76; Кычанов 2006, № 3657-0, с. 523; Ли Фань-вэнь 1997, № 3228, с. 604). Согласно толкованию «Моря письмен», знак состоит из правой части знака «величественный, украшение» (𠄎 *ldju*) и средней части знака «яркий, красивый» (𠄎 *me*) (Море письмен 1969, № 1644, ч. I, с. 278; л. 54 (ч. I, с. 552)).

2. Величественный, украшение, убранный, украшенный (Невский 1960в, т. II, с. 251); красивый, наложница (Кычанов 2006, № 2880-0, с. 429)¹³; красивый, разукрашенный, киноварь (Ли Фань-вэнь 1997, № 542, с. 106).

3. Цветок (подробнее см. выше: II, 1).

¹¹ Надо также учитывать, что, судя по всему, реальное звучание первой согласной в этом слове представляло стечение согласных с щелевым *h*- в качестве первого элемента. Подробнее см.: Софронов 1968, т. I, с. 108–109.

¹² Как видно, в данном знаке этот элемент ничем не отличается от обычного элемента «человек»; ни Е.И. Кычанов, ни Ли Фань-вэнь его не выделяют (Ли Фань-вэнь 1997, № 2679, с. 505; Кычанов 2006, № 2234-0, с. 343). Как видно, не выделяли его и тангуты.

¹³ Е.И. Кычанов дает неверное звучание знака — *šjwo*, видимо, отождествляя его с близким по начертанию знаком 𠄎 (Кычанов 2006, № 2887-0, с. 430). Также об этом знаке см. ниже, V. 2.

Кычанов и Ли Фань-вэнь отмечают, что знаки 纓綉 *thiou ldiu* представляют собой устойчивое словосочетание, имеющее смысл «превосходный, восхитительный, прекрасный» (Кычанов 2006, № 3657-6, с. 524; Ли Фань-вэнь 1997, 3228, с. 604). У Н.А. Невского этого сочетания нет, но упомянуто другое — 綉纓 *ldiu thiou*, которое он переводит как «величественный и прекрасный» (янь-ли 巖麗) (Невский 1960в, т. II, с. 76). Так или иначе, очевидно, что эти знаки тесно связаны друг с другом.

Китайское *мудань-хуа* (досл. «пастбищный киноварный цветок») является конструкцией, призванной, с одной стороны, передать тангутское наименование (из трех знаков, последний из которых имеет значение «цветок»), а с другой — адекватно передать значение слова. Дело в том, что для обозначения вида растения в китайском языке используется только словосочетание *мудань* (Хань-юй да цыдянь 1997, т. II, с. 3482), которое переводится как китайский древовидный (полукустарниковый) пион (*Paeonia suffruticosa* Andrews)¹⁴. Словосочетание *мудань-хуа* также существует, но обозначает не пион как вид, а цветок пиона, поэтому в данном случае китайский перевод не вполне верен, хотя и передает частично структуру тангутского термина.

Как мы увидим далее, тангуты почти всегда вводили в состав словосочетания, обозначающего растение или нечто связанное с ним, знак-классификатор, обозначающий, цветок, тот или иной тип плода, дерево и т.п. Эти классификаторы далеко не всегда совпадали с китайскими, тем более что иногда, например в рассматриваемом случае, в китайских названиях подобного классификатора могло и не быть вовсе.

Китайский древовидный пион представляет собой многолетний куст высотой 1–2 м, издревле культивируется как декоративное растение, прежде всего ценится за свои крупные, яркие белые, красные или пурпурные цветы; кора стеблей и корней используется в медицине (Ricci des plantes 2005, p. 330). Многовековая популярность древовидного пиона не позволяет с уверенностью установить, в каких местах он произрастал изначально; чаще всего его родиной считаются горы Циньлин 秦嶺 на юге современной пров. Шэньси, где до сих пор встречаются дикие представители вида. Пион был одомашнен в районе Ханьчжун 漢中 (на юго-западе современной пров. Шэньси), по всей видимости в эпоху династии Хань (206 г. до н.э. — 220 г. н.э.) или несколько позже, но настоящую популярность он приобрел при Тан, когда стал именоваться «ваном цветов» (Хань-юй да цыдянь 1997, т. II, с. 3482). «Пионовой столицей» Китая с танского времени считался Лоян, при Южной Сун его разведение переместилось на юг, особенно известно стало сычуаньское селение Тяньпэн 天彭 в 40 км к северо-западу от Чэнду. Сейчас лоянские специалисты из Международного пионового парка (*Го-цзи мудань-юань* 國際牡丹園) насчитывают 1036 разновидностей древовидного пиона.

Интересно, что древовидный пион первоначально назывался *мушаояо* 木芍藥 (букв. «древовидный травянистый пион»¹⁵), и лишь в правление дина-

¹⁴ Н.А. Невский использует название *Paeonia moutan* (Невский 1960в, т. II, с. 251).

¹⁵ О травянистом пионе см. ниже, IV.

стии Тан (618–907) или несколько ранее он получил отдельное наименование — *мудань* (Хань-юй да цыдянь 1997, т. II, с. 3482). Это говорит о том, что древовидный пион стал известен китайцам гораздо позже своего травянистого собрата, что вполне понятно, учитывая гораздо более широкий естественный ареал произрастания последнего.

Цветки древовидного пиона, также называемые *фузуй-хуа* 富貴花 «цветы богатства и знатности» (Ricci 2001, № 3583, vol. II, p. 688), наряду с цветущей сливой *мэй-хуа* 梅花, относятся к важнейшим символам китайской культуры, их изображениями изобилуют традиционные благожелательные народные картины. Пион считался символом женской красоты, чувственности, поэтому его изображение с танского времени часто использовалось в женских украшениях (Неглинская 2010, с. 328). В танской живописи «хуа-няо» («цветы и птицы») изображения пионов выделялись в отдельный жанр «мудань-хуа 牡丹畫» (Кравцова 2010, с. 753).

Хотя родина древовидного пиона — горы Циньлин — не столь уж далека от Тибетского нагорья, все же вряд ли тангуты были хорошо знакомы с ним. Скорее всего, они впервые увидели пионы во всем их великолепии в китайских садах. Впрочем, по всей видимости, пион быстро занял достойное место и в садах тангутов — именно поэтому его тангутское название буквально переводится как «красивый и украшенный¹⁶ цветок», и именно он открывает перечень растений в «Перле в ладони». Важность пиона, пусть и недавно привнесенного, в тангутской культуре подчеркивается тем, что тангуты не калькировали китайское название — по смыслу или фонетически, — а изобрели свое, полное несколько наивного восхищения этим прекрасным цветком.

IV

罌瓶級

tsə tʃhje vja

芍藥花

шаояо-хуа

Травянистый пион

1. Лекарство, мазь (Невский 1960в, т. II, с. 318; Кычанов 2006, № 3943-0, с. 561; Ли Фань-вэнь 1997, № 3612, с. 672). Согласно толкованию «Моря письмен», знак состоит из правой части знака «еда» (饣 *tshi*) и правой части знака «лечить, лекарство» (藥 *tsɛ*) (Море письмен 1969, № 2103, ч. I, с. 345; л. 70 (ч. I, с. 568).

2. Корень, основа, транскрипционный знак (для китайского *чи* и *чжи*) (Невский 1960в, т. II, с. 357; Кычанов 2006, № 5009-0, с. 697; Ли Фань-вэнь

¹⁶ Одно из значений знака *ldju* (III, 2) — «киноварь», но мы считаем, что в данном случае первично именно поле значений, связанное с красотой, миловидностью. Судя по всему, киноварь появилась среди значений знака именно потому, что разного рода разукрашивание, нарумянивание семантически очень прочно связано с идеей красоты; конечно, тут не может идти речь о киновари с минералогической или алхимической точки зрения.

1997, № 4018, с. 743); книга, капитал, ссуда (Кычанов 2006, № 5009-0, с. 697). Согласно толкованию «Драгоценных рифм моря письмен», знак состоит из частей знаков «нога» (𠂇 *reu*) и «иметь, считать» (𠂇 *tshje*) (Вэньхай баюнь 2000, с. 214; л. 112-65 (с. 844).

3. Цветок (подробнее см. выше: II, 1).

Шаояо переводится с китайского как «пион молочноцветковый» *Paeonia lactiflora* Pall или китайский пион. Этим же словосочетанием обозначается в китайском языке и род «пион» и семейство «пионовые» в целом (Ricci des plantes 2005, p. 404). Как и в предыдущем случае, сочетание *шаояо-хуа* не является типичным для китайского языка: оно может обозначать лишь «цветок пиона», но не само растение как таковое; его основная задача — наглядно калькировать трехзначный тангутский вариант, в котором наличествует классификационный знак «цветок».

Китайский пион относится к травянистым, поскольку его стебли более мягкие и отмирают на зиму; он произрастает в диком виде в горах и на равнинах Северного Китая, а также в Южной Сибири, Монголии, Корею и Японию; по ряду свидетельств, культивируется китайцами уже более 2000 лет в качестве декоративного растения, а также ради корней, которые широко используются в традиционной китайской медицине как боле- и жаропонижающее средство и антисептик (Ricci des plantes 2005, p. 404). Во времена Тан, когда древовидный пион считался «ваном цветов», травянистый пион занимал второе место по популярности и именовался «первым министром (сяном) цветов» (Хань-юй да цыдянь 1997, т. II, с. 3482).

Знак *шао* в китайском языке не имеет иных значений, кроме «пиона»¹⁷ (в сочетании) (Хань-юй да цыдянь 1997, т. III, с. 5419), что свидетельствует о том, что китайцы, вероятно, очень рано познакомились с этим цветком и придумали для его обозначения специальный знак. Второй знак — *яо* переводится как «лекарство, лекарственная трава, лечить» (Ricci 2001, vol. VI, p. 776–777), это подтверждает, что китайский пион издревле ценился как одно из самых действенных лекарств в арсенале традиционной медицины и считался лекарством *par excellence*.

Как видно, буквальное значение тангутского названия растения «цветок с целебным корнем» перекликается с китайским, но не калькирует его. Интересно, что, в отличие от древовидного пиона, в данном случае в названии тангуты акцентировали внимание не на декоративных свойствах, а на целебном корне пиона, который и дал название всему растению. Вероятно, тангуты узнали о травянистом пионе от китайцев. Например, тибетцы до недавнего

¹⁷ Словарь *Эр я*, впрочем, поясняет *шао* через знаки *фуцы* 菝葜 (*Эр я* 1997, цз. 8, с. 2627), которые переводятся как «болотница клубневидная, китайский водяной каштан» (*Eleocharis dulcis* (Burm. f.) Trin. ex Hensch, также *Eleocharis tuberosa* Roem. et Schult.) — водяное растение семейства осоковых (*Cyperaceae*), чьей родиной считается Индия, культивируется в Южном Китае, клубни употребляются в пищу и наравне с надводной частью используются в медицине (Ricci des plantes 2005, p. 31–32). Но этот пример, вероятно, может служить скорее для иллюстрации трудностей перевода китайских названий растений, а в понимании этимологии китайского наименования пиона он вряд ли может помочь.

времени не знали об этом растении, его определение есть только в словарях современного тибетского языка: ལྷོ་ལྷོ་ལྷོ་, букв. «травяной лотос» (Goldstein 2004, p. 866; 642). Видимо, это слово пришло в тибетский язык сравнительно недавно, сейчас оно используется для обозначения всех пионовых.

V

𑄎𑄏𑄐𑄑

ngə śiwo vja

山丹花

шаньдань-хуа

Лилия (?)

1. Гора (Невский 1960в, т. II, с. 463; Кычанов 2006, № 5250-0, с. 723); гора, холм (Ли Фань-вэнь 1997, № 4871-0, с. 885). Согласно толкованию «Моря письмен», знак состоит из верхней части знака «святой, отшельник» (𑄎𑄏𑄐𑄑 *śie*)¹⁸ и нижней части знака «сковорода, противень» 𑄎𑄏𑄐 *ngə* (Море письмен 1969, № 2421, ч. I, с. 394; л. 82 (ч. I, с. 580)). Нельзя не отметить две принципиально разные идеи, заложенные создателями тангутской письменности в знак «гора»: это и неразрывная ее связь с отшельничеством, уединением, и крайне наглядный образ плоской, выжженной солнцем вершины.

2. Киноварь¹⁹ (Невский 1960в, т. II, с. 247); прямой, честный, подтянутый, собранный (Кычанов 2006, № 2887-0, с. 430); величественный, стройный, красивый (Ли Фань-вэнь 1997, № 541, с. 106).

Этот знак крайне близок к уже встречавшемуся нам знаку III, 2 («красивый, разукрашенный») как по начертанию, так и по основному набору значений. Фактически, разница весьма мала, и можно было бы заподозрить, что речь идет об одном и том же знаке, просто написанном несколько по-разному, тем более что в «Перле в ладони» оба знака переведены одним и тем же китайским знаком *дань* 丹. Однако знаки не только пишутся по-разному, но и по-разному транскрибированы: в первом случае знаком 𑄎𑄏𑄐𑄑 *люй* (использована именно сокращенная форма знака), исходя из чего звучание знака реконструировано как *ldju*; во втором случае звучание передано через знак 𑄎𑄏𑄐 и, вероятно, может быть восстановлено как *śiwo*. Конечно, наличие разных звучаний не позволяет считать, что перед нами варианты одного и того же знака, и все исследователи совершенно закономерно предлагают считать их двумя

¹⁸ Интересно, что Н.А. Невский, практически не имевший возможности работать с «Морем письмен», также заметил связь знаков «гора» и «отшельник»: он предположил, что знак «отшельник» — это совокупность элементов «гора» (представленного верхней частью полного знака) и «человек» (Невский 1960в, т. II, с. 647). Судя по всему, перед нами довольно редкий случай, когда тангутский знак калькирует не только структуру, но и звучание аналогичного китайского иероглифа 𑄎𑄏𑄐 *сянь*.

¹⁹ Видимо, это не вполне верно, так как китайский знак 丹 *дань* ближе к полному значению знака 𑄎𑄏𑄐 *ldju* («красивый, разукрашенный»), да и то с целым рядом оговорок (см. выше); впрочем, в распоряжении Н.А. Невского было совсем мало примеров словоупотребления этого знака.

отдельными знаками. Всеми рассматриваемыми словарями зафиксировано также словосочетание 姸姸 *šjwo lɟju*, переводимое как «стройный, прямой, достойный». Видимо, различия значений знаков были почти столь же неочевидны, как и различия в их написании: судя по всему, если знак 姸 *lɟju* означал красоту чувственную и пышную, то знак 姸 *šjwo* — скорее красоту строгую и добродетельную.

3. Цветок (подробнее см. выше: II, 1).

Шаньдань (букв. «горный киноварный цветок») чаще всего переводится как «лилия одноцветная» (*Lilium concolor* Salisb.), которая широко распространена в горах и на равнинах почти всего Китая (кроме северо-востока). Луковицы этой лилии употребляются в пищу; несмотря на небольшой размер, они считаются лучшими среди съедобных лилий. Также луковицы используются для изготовления крахмала и алкоголя; из цветов вырабатывают ароматическое масло (Ricci des plantes 2005, p. 392). Однако это не единственный вариант перевода. *Шаньдань* также может переводиться как «лилия карликовая» (*Lilium pumilum* Delile) или «лилия тонколистная» (*Lilium tenuifolium* Fisch., царские кудри), невысокое декоративное растение, широко распространенное на большей части территории Северного Китая, а также в Монголии и Южной Сибири. Луковицы используются для изготовления крахмала, их кожура — в медицине (Ricci des plantes 2005, p. 392). Еще одна лилия, которую иногда называют *шаньдань* — кардиокринум китайский (*Cardiocrinum cathayanum* (E.H. Wilson) Stearn., а также *Lilium cathayanum* E.H. Wilson) из семейства лилиевидных (*Lilioideae*), растущая в горных лесах Восточного, Центрального и Юго-Западного Китая. Луковицы используются в медицине (Ricci des plantes 2005, p. 362). Поскольку мы не располагаем описанием растения на тангутском языке, то с уверенностью предпочесть один из этих видов невозможно.

Среди вариантов перевода термина есть растения, не относящиеся к лилиям. Это может быть и иксо́ра китайская *Ixora chinensis* Lam. из семейства мореновых (*Rubiaceae*), вечнозеленый кустарник высотой от 0,5 до 2 м, который выращивается как декоративное растение, а его цветы, корни и ветви используются в медицине. Впрочем, этот вариант вряд ли стоит принимать во внимание в нашем случае — иксо́ра произрастает только в Южном Китае (не севернее Фуцзяни), равно как и в Индонезии и Малайзии (Ricci des plantes 2005, p. 282); конечно, тангуты могли быть с ней знакомы (например, послы могли видеть это растение в сунских садах), но вряд ли это южное растение могли поместить на третье место в списке «Перла в ладони».

Существует и растение, которое обозначается термином *шаньдань-хуа* — стеллера карликовая *Stellera chamaejasme* L. Это небольшое растение семейства волчниковых (*Thymeleaceae*), широко распространенное на горных плато Северного Китая и Тибета, а также в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Корни используются в медицине, а также в качестве средства борьбы с подземными насекомыми и гусеницами (Ricci des plantes 2005, p. 381). Корни, цветы и стебли входят в состав общеукрепляющих, мочегонных и желудоч-

ных средств тибетской медицины, используются как слабительное, мочегонное, противовоспалительное, антисептическое, антигельминтное и ранозаживляющее средства, а также при опухолях (Голубой берилл 1994, л. 27, № 110, с. 204–207; л. 33, № 89, с. 236–239). В монгольской ветеринарии в составе смесей его применяют для уничтожения личинок в ранах у животных. Также в Тибете стеллера традиционно использовалась для изготовления бумаги. Без сомнения, тангутам было известно это растение, но логика текста подталкивает нас к предположению, что после пионов в списке стоит ожидать скорее яркие и декоративные лилии, нежели скромную, хоть и крайне полезную стеллеру. К тому же тангутское название совершенно не похоже на тибетское ее наименование²⁰. Очевидно, это типичное растение суровых высокогорий, довольно невзрачное даже в период цветения, вряд ли могло рассчитывать на определение «горный красивый цветок». Но поскольку у нас нет тангутских описаний внешнего вида растения, мы все же склоняемся к тому, что здесь имеется в виду именно стеллера.

Это словосочетание завершает в «Перле в ладони» группу декоративных цветов.

VI

蕚 薺 級

ngôn ige vi̇a

海棠花

хайтан-хуа

Декоративная дикая яблоня

1. Айва, дикая яблоня (Кычанов 2006, № 1056-0, с. 214), китайская цветущая дикая яблоня (Ли Фань-вэнь 1997, № 4187, с. 772). К сожалению, данный знак в тангутских памятниках встречается всего в двух словосочетаниях, причем нигде, кроме «Перла в ладони», мы не встречаем толкования или перевода знака; возможно, значения словарей опираются прежде всего на наличие в данном словосочетании знака, для которого имеется китайский перевод. Эти обстоятельства, конечно, значительно затрудняют задачу точного перевода знака. Впрочем, расшифровке может помочь анализ структуры знака (к сожалению, его официальная этимология не фигурирует в дошедших до нас тангутских словарях). Верхний элемент входит в число многих знаков, обозначающих названия деревьев (Невский 1960в, т. I, с. 462). Нижняя часть существует в виде отдельного, омонимичного знака 蕚 *ngôn* «море» (Невский 1960в, т. I, с. 409; Кычанов 2006, № 1055-0, с. 214; Ли Фань-вэнь 1997, № 661, с. 130). Судя по всему, рассматриваемый знак должен был объединять в себе оба китайских, представленных в переводе словосочетания — *хай* и *тан*, т.е. дерево, в китайское название которого (принятое составителем за основу)

²⁰ По-тибетски стеллера называется རྩུག་ལྗང་ལྗང་, букв. «[растение] с прутьями» (Chandra Das 1902, p. 1189, 396, 775).

входит прилагательное «морской / заморский». Поскольку, как мы увидим ниже, термин *хайтан* в китайском языке в основном имеет отношение к разным видам диких или полудиких яблонь, то, видимо, именно дикую яблоню данный знак и должен обозначать.

2. Душистый, благоуханный (Невский 1960в, т. I, с. 474; Ли Фань-вэнь 1997, № 4137, с. 764), аромат²¹ (Кычанов 2006, № 4520-0, с. 638).

3. Цветок (подробнее см. выше: II, 1).

Хайтан-хуа (букв. «цветок морской / заморской дикой груши») обычно переводится как «яблоня замечательная, китайская цветущая дикая яблоня» (*Malus spectabilis* (Ait.) Borkh.). Это листопадное дерево высотой до 8 м, произрастающее на севере и востоке Китая. Оно издавна культивируется как декоративное благодаря своим очень красивым цветам: в бутоне они розовые, после распускания белые, диаметром 4–5 см, собраны в зонтиковидные щитки по 4–6 штук. Плоды съедобны, но не особенно ценны из-за кислого вкуса и крайне малого размера (диаметр не превышает 2 см) (Ricci des plantes 2005, p. 163).

Такой вариант перевода наиболее вероятен, но поскольку в предыдущих словосочетаниях знак *хуа* китайских переводов терминов, судя по всему, добавлялся только для лучшего соответствия структуре тангутского понятия, рассмотрим и значения словосочетания *хайтан*. Помимо той же «яблоня замечательной» среди вариантов перевода есть «калофиллум волокнистолистный» (*Calophyllum inophyllum* L.) или таману, александрийский лавр: вечнозеленое дерево (высотой 5–15 м) семейства клузиевых (*Clusiaceae*), произрастающее в горных лесах крайнего юга Китая — на Тайване, Хайнане, в провинциях Гуандун, Гуанси, Юньнань. Используется его ценная древесина, из которой делают мебель, плавающие суда и т.п., из семян делают масло (Ricci des plantes 2005, p. 163). Впрочем, вряд ли об этом дереве может идти речь в «Перле в ладони» — в стране тангутов оно не произрастает.

Словари отмечают и еще ряд словосочетаний, связанных со знаками *хайтан*. *Хайтанго* 海棠果 — это «яблоня сливолистная, китайская яблоня, китайка» (*Malus prunifolia* Borkh.), небольшое (до 8 м высотой) дерево, широко распространенное в Северном Китае и Сибири. Крайне морозоустойчивый сорт, относится к числу наиболее распространенных в России, очень популярен и в Китае, выращивается ради небольших, но многочисленных и лёжких плодов (Ricci des plantes 2005, p. 163). *Сифу хайтан* 西府海棠 — яблоня малая *Malus micromalus* Makino, дерево высотой до 5 м, произрастающее в большинстве провинций Северного Китая, от Ганьсу до Ляонина, выращивается ради плодов (Ricci des plantes 2005, p. 482, 161, 163). *Хайтанхун* 海棠紅 — название одной из разновидностей абрикоса *Prunus armeniaca* L., выращиваемой в Шаньси (Ricci des plantes 2005, p. 163), Впрочем, совершенно невозможно установить, насколько давно используется это наименование. Наконец, *хайтаншу*

²¹ Вряд ли верно переводить знак существительным — ведь в данном словосочетании знак стоит после определяемого существительного, что указывает на то, что перед нами прилагательное.

海棠樹 — это лагерстрёмия индийская, индийская сирень *Lagerstroemia indica* L., куст или небольшое дерево семейства дербенниковых (*Lythraceae*) высотой до 6 м, чья родина, несмотря на название, по всей видимости находится в Китае. Распространена во многих регионах Китая, особенно на юге, культивируется как декоративное растение, цветы, листья и корни используются в медицине (Ricci des plantes 2005, p. 163, 596).

Рассмотренные варианты показывают, что большинство терминов имеют отношение к разным видам яблонь. Китайская яблоня встречается в тексте «Перла в ладони» ниже (Ли Фань-вэнь 1994, л. 14а (с. 351), среди плодовых деревьев, к тому же второй и третий знаки тангутского словосочетания, которое может быть буквально переведено как «цветок душистая дикая яблоня», как кажется, указывают на то, что в данном растении прежде всего ценились его декоративные свойства. Поэтому, видимо, наиболее вероятным вариантом перевода является «яблоня замечательная», т.е. единственная из перечисленных, выращиваемая прежде всего ради цветов. Не стоит забывать, что китайское название этого вида яблони полностью совпадает с тем, что мы видим в тексте «Перла в ладони», — *хайтан-хуа*. Так или иначе, по всей видимости, это наиболее известная из прежде всего декоративных разновидностей яблони, выращиваемых в Китае, что делает весьма вероятной гипотезу, что в тексте имеется в виду как раз этот вид. Впрочем, у нас не может быть полной уверенности, что речь идет именно об этой яблоне, а не о каком-нибудь другом декоративном виде: трудно ожидать от тангутов полностью точного определения видов. Именно этим объясняется наш перевод.

Как кажется, данный термин (особенно первый его знак) представляет интересный вариант заимствования тангутами китайской терминологии. Стоит также отметить интересную склонность тангутов относить деревья, пусть и декоративные, к цветам по самому факту их декоративности. Впрочем, в данном случае они формально следуют за китайцами.

VII

朶朶級

ḷion pè vja

龍栢²²花

лунбай(бо)-хуа

Можжевельник

1. Дракон (Ли Фань-вэнь 1997, № 4203, с. 774). Прочие словари (Невский 1960в, т. I, с. 485; Кычанов 2006, № 1302-0, с. 242) не дают вариантов перевода, поскольку данное словосочетание — единственный пример использования этого знака. Очевидно, Ли Фань-вэнь в своем переводе основывается на том, что так данный знак «переводится» в «Перле в ладони», что методологически неверно. Проанализируем структуру знака. Смысл верхнего элемента, как мы уже отмечали выше (VI, 1), связан с деревом; нижний существует в виде омо-

²² Вариант написания знака 栢 *бай (бо)*.

нимичного знака 榧 *liou*. Этот знак использовался в качестве транскрипционного знака для китайского *лян* (Невский 1960в, т. I, с. 368; Ли Фань-вэнь 1997, № 4088, с. 756), может заменять китайский знак *лун* 隴 (в географических названиях) (Ли Фань-вэнь 1997, № 4088, с. 756), а также значит «двусторонний, в пару, напарники» (Кычанов 2006, № 1301-0, с. 242). Вероятно, в данном случае знак также используется прежде всего как транскрипционный и призван обозначать дерево, название которого по-китайски совпадает по чтению со знаком *лун* 龍; согласно «Гуан юнь», для этого знака в XI в. существовало чтение *liwoŋ* (Хань-цзы гу-цзинь инь-бяо 1999, с. 9), что близко к чтению рассматриваемого тангутского знака.

2. Кипарис (Кычанов 2006, № 5213-0, с. 722; Ли Фань-вэнь 1997, № 4119, с. 762). Как и в предыдущем случае, знак встречается фактически только в этом словосочетании, что несколько затрудняет однозначный перевод. Согласно толкованию «Моря письмен», знак состоит из верхней части знака «дерево» (蕤 *si*) и знака «широкий» (𣎵 *pê*); в примечании о смысле знака авторы «Моря письмен» отсылают читателя к пояснению знака «дерево» *liou pê si* 蔞蔞蔞 [Море письмен 1969, № 284, ч. I; л. 11 (ч. I, с. 509), который, как видно, почти полностью совпадает с рассматриваемым словосочетанием, за исключением последнего знака, который в данном случае не «цветок», а «дерево». Данный пассаж из «Моря письмен» крайне ценен, во многом потому, что подтверждает методологическую правильность нашего структурного анализа знаков VI,1 и VII,1, совпадающую с подходом создателей «Моря письмен».

Рассмотрим знак 𣎵 *pê* подробнее. Согласно словарям, он имеет значения «широкий» (Невский 1960в, т. II, с. 394), «широкий, просторный» (Кычанов 2006, № 5230-0, с. 722), «широкий, просторный, лоза, душистый лук», заменяет китайские знаки 伯 *бай* (*бо*), 柏 *бай* (*бо*) (в именах собственных, названиях) (Ли Фань-вэнь 1997, № 5970, с. 1081–1082). Видимо, в данном случае надо принять во внимание прежде всего транскрипционную функцию знака. В целом он должен обозначать дерево, которое в китайском языке обозначается как 柏 *бай* (*бо*). Фонетическая транскрипция весьма точна — по «Гуан юнь», знак 柏 *бай* (*бо*) читался как *p'ek* (Хань-цзы гу-цзинь инь-бяо 1999, с. 378).

3. Цветок (подробнее см. выше: II, 1).

Лунбо-хуа (букв. «цветок — драконий кипарис»²³); словосочетание в китайском языке не существует, призвано, как мы уже видели в ряде случаев, наилучшим способом соответствовать структуре тангутского термина. *Лунбо* —

²³ *Бо* — китайское обозначение всего семейства кипарисовых. Около 30 видов (из 150) произрастают в Китае, еще около 15 завезены в страну сравнительно недавно. Кипарисы ценятся за свою древесину, из них получают ароматные масла, многие виды используются для восстановления лесного покрова на землях, которым грозит опустынивание. Более конкретно этот знак может означать «кипарис плакучий» (*Cupressus funebris* Endl.), красивое хвойное дерево высотой до 35 м, произрастающее в большинстве лесов Южного Китая, а также в парках Северного Китая. Ценная древесина, хвоя и смола используются в медицине (Ricci des plantes 2005, p. 8). Другое значение этого знака — «плоскоцветочник восточный, туя восточная, биота восточная» (*Platycladus orientalis* (L.) Franco, также *Thuja orientalis* L., *Biota orientalis* (L.) Endl.), хвойное дерево высотой до 20 м, чьей родиной является Китай. Произрастает в лесах большей части страны, кроме высокогорья, часто высаживается как декоративное. Хвоя используется в медицине, хвоя и плоды — в качестве инсектицида (Ricci des plantes 2005, p. 43).

это можжевельник китайский *Juniperus chinensis* L. (также *Sabina chinensis* (L.) Antoine) (Ricci 2001, № 7477, vol. IV, p. 247), хвойное дерево высотой до 20 м, произрастающее почти на всей территории Китая, а также в Тибете. Ценная ароматная древесина и хвоя используются в медицине. Можжевельник часто высаживается в местах, где требуется восстановить лесной покров (Ricci des plantes 2005, p. 158). Стоит отметить, что это отнюдь не самое распространенное название этого вида можжевельника, и, возможно, тангуты находились под влиянием какой-то региональной, а не столичной, ботанической традиции.

Судя по всему, тангуты воспринимали можжевельник прежде всего как декоративное растение, которое высаживалось в парках: название снабжено классификатором «цветок», «зарезервированным» для декоративных растений²⁴, хотя никаких цветов (в обычном, а не в сугубо ботаническом смысле) у можжевельника нет. Вероятно, этому способствовало то, что можжевельник отлично подходит для высаживания в холодных и засушливых землях, где и жили тангуты. При этом, судя по всему, тангуты узнали о можжевельнике от китайцев; тангутское название этого растения однозначно указывает на китайское влияние: это еще один вариант заимствования термина, когда заимствуется не структура китайских знаков (как в VI,1), а их звучание. Создатели тангутской письменности лишь снабдили транскрипционные знаки элементом, указывающим, что речь идет о дереве. Тангутское название можжевельника можно буквально перевести как «цветок — дерево “лун-бо”».

VIII

綉穉級

tshjə rai vja

梅花

мэй-хуа

Дикая слива

1. Кислый, уксус (Невский 1960в, т. II, с. 32; Ли Фань-вэнь 1997, № 2739, с. 517); слива, ягоды, ягодный сок (Кычанов 2006, № 299-0, с. 127)²⁵.

2. Лес, роша, чаща (Невский 1960в, т. I, с. 473); лес, роша, сад (Кычанов 2006, № 4148-0, с. 590); слива²⁶, деревья, чаща, парк (Ли Фань-вэнь 1997, № 4246, с. 779–780).

3. Цветок (подробнее см. выше: II, 1).

²⁴ Впрочем, как мы видели, в «Море письмен» упоминается дерево, где вместо классификатора «цветок» стоит знак «дерево». Возможно, знаки снабжены этим несколько странным классификатором потому, что в «Перле в ладони» можжевельник входит в число декоративных растений и составитель словаря счел необходимым таким образом подчеркнуть его декоративную составляющую и формально унифицировать перечень.

²⁵ Вряд ли этот перевод верен — это, скорее, производное от основного значения, отмеченного в остальных словарях.

²⁶ Как и в случае с первым знаком, очевидно, появление данного значения в словаре объясняется только тем, что знак встречается в данном словосочетании.

Перевод китайского словосочетания *мэй-хуа* на первый взгляд не составляет проблемы — все словари толкуют его как цветущую сливу японскую (слива китайская, муме, абрикос японский, абрикос китайский, *Prunus mume* (Sieb.) Sieb. et Zucc., *Armeniaca mume* Sieb.). Это одно из самых известных растений дальневосточного региона, дерево высотой 4–10 м, чья родина находится в Южном Китае, в горных лесах провинций Сычуань и Юньнань, Восточного Тибета, провинций Гуандун и Фуцзянь. Издавна выращивается почти по всей территории Китая, равно как в Корее, Японии и Вьетнаме; существует множество разновидностей. Часть их культивируется ради плодов (сочных, но довольно кислых), которые солят, сушат или едят в свежем виде; из них выжимают сок, делают вино (Ricci des plantes 2005, p. 314). Однако гораздо больше славы дереву *мэй* принесли его цветы. Они в обилии раскрываются на севере Китая ранней весной, на юго-западе страны — в декабре, когда на ветвях еще нет листьев, и одевают дерево в роскошный убор, чей цвет варьирует от белого до темно-красного. Ветки цветущей сливы стали важным символом в китайской и японской поэзии и живописи (см., например: Соколов-Ремизов 2010, с. 705). Именно цветы сделали этот вид дерева одним из наиболее любимых декоративных деревьев всего Дальнего Востока.

Однако ряд соображений не позволяет нам остановиться именно на этом варианте перевода. Тангуты определенно были знакомы с *Prunus mume*, поскольку во времена государства Западное Ся эти деревья давно культивировались далеко к северу от природного ареала, но в диком виде, судя по всему, в стране тангутов этот вид не встречался. Вполне возможно, что тангуты получили саженцы сливы от китайцев и начали выращивать их в своих садах, чтобы любоваться цветами, — сейчас в этих районах Китая *мэй-хуа* вполне распространенный парковый вид. Однако в этом случае тангутское название вида сохранило бы следы китайского влияния, как для названий травянистого пиона, лилии, декоративной яблони или можжевельника. В данном же случае тангутское название представляется совершенно оригинальным и ничуть не напоминает китайское — буквально оно может быть переведено как «цветок [дерева] с кислыми [плодами, растущего] чащами». Это название показывает, что тангуты очень хорошо знали это дерево и представляли себе, как оно обычно произрастает в природных условиях, чего в отношении *Prunus mume* они, скорее всего, знать не могли. Почти все виды слив и абрикосов в диких условиях формируют довольно труднопроходимые колючие заросли, но, конечно, при выращивании в садах это не допускается; так почему же тангуты называли рассматриваемое дерево именно так? Кроме того, в разделе «Перла в ладони», посвященном декоративным цветам, составители весьма скрупулезно следовали китайским представлениям эпохи Тан об их иерархии — на первое место они поставили древовидный пион, на второе — травянистый. Почему же тогда в разделе, посвященном декоративным деревьям, *мэй-хуа*, издревле ценившаяся китайцами неизмеримо выше всех прочих декоративных деревьев, стоит на последнем месте, после вполне скромных, с китайской

точки зрения, декоративной яблони и можжевельника? Полноте, неужели это и правда *Prunus mume*?

Нужно сказать, что абсолютное большинство видов диких слив и абрикосов очень красиво во время цветения. Конечно, тангутам, как всем кочевникам, хорошо знавшим и любившим природу, это было известно. Трудно сказать, существовала ли у них собственная традиция высаживания таких деревьев рядом со своими домами из соображений их эстетической ценности — все-таки цветет дикая слива недолго, а плодов приносит немного, причем не отличающихся особым вкусом. Вероятно, такую традицию тангуты восприняли у китайцев, но при этом, если китайцы, говоря о декоративной сливе, конечно, подразумевали *мэй-хуа*, т.е. *Prunus mume*, то тангуты, судя по всему, имели в виду другой вид, более характерный для их родных мест. Мы считаем, что это может быть «слива растопыренная» (вишнеслива, алыча, ткемали, *Prunus divaricata* Ehrh., *Prunus cerasifera* Ehrh.), один из наиболее распространенных видов дикой сливы, который наряду со сливой колючей, тёрном *Prunus spinosa* L. (в Китае в естественных условиях не встречается) считается предком домашней сливы *Prunus domestica* L. (Ботанический атлас 1963, с. 106). Алыча — дерево или кустарник высотой 1,5–10 м, в диком виде сейчас произрастает на территории от Передней Азии до Тяньшаня, в Китае — в предгорьях почти на всей территории Синьцзяна; формирует довольно густые рощи; во время цветения деревья очень декоративны; крайне неприхотлива, хорошо растет на сухих почвах; плоды кисло-сладкие, сочные, употребляются в свежем и переработанном виде; может использоваться в качестве подвоя для культурных сортов слив, персиков, абрикосов (Ricci des plantes 2005, p. 549). Возможно, именно алыча, или какая-то ее местная разновидность, играла в культуре тангутов ту же роль, что и более теплолюбивая *Prunus mume* в китайской культуре. Именно алычу китайцы рассматривали в качестве разновидности сливы, которая выращивается не ради плодов²⁷, а ради цветов. Конечно, по всей видимости, по естественным причинам (все-таки цветущей алыче очень далеко до *мэй-хуа*) тангуты ценили ее за красоту несколько меньше, чем яблоню или можжевельник; возможно даже, она попала в список «Перла в ладони» прежде всего из уважения к китайской традиции почитания *Prunus mume*. Данный случай, как нам кажется, представляет собой очень яркий пример «трудностей перевода», с которыми сталкивался составитель «Перла в ладони».

Это словосочетание завершает в «Перле в ладони» группу декоративных деревьев.

* * *

Приведенный выше материал, посвященный растениям, составляет около одной десятой части всего текста «Перла в ладони». Он позволяет сделать вывод о стремлении тангутов к строгости ботанической классификации:

²⁷ Такая слива в «Перле в ладони» тоже упоминается, см.: Ли Фань-вэнь 1994, л. 14а (с. 351).

название растения они неукоснительно снабжали классификатором, указывающим на предназначение этого растения. Основные классификаторы вводятся в текст перед соответствующей группой названий растений. Эта система является совершенно оригинальной и крайне интересна особенно тем, что классификатор обозначал не внешний вид растения, а его предназначение: так, декоративная слива снабжена классификатором «цветок», хотя большую часть года она на цветок вовсе не похожа, а ее кузина, выращиваемая для плодов, получила классификатор «плод» (Ли Фань-вэнь 1994, л. 14а (с. 351)). Мы полагаем, ничего подобного история мысли других народов не знала. Такая точность была чужда и китайским учителям тангутов. Примечательно, что китайские термины, используемые для передачи тангутских, не только не довлеют над ними, но и сами нередко принимают несвойственные для китайского языка формы, чтобы лучше соответствовать параллельным тангутским конструкциям, образованным с использованием классификаторов.

В тангутских названиях растений, конечно, очень многое заимствовано у китайцев (мы не обсуждаем здесь тибетские или тюркские влияния). Материал, представленный нами вниманию читателя, позволяет выделить ряд способов такого заимствования. Перечислим их по степени оригинальности тангутского термина.

1. Фонетическое (VII). Для обозначения ряда видов растений были созданы знаки, читаемые так же, как китайские, которые они были должны заменить. Эти знаки учитывают не только звучание, но и начертание исходных китайских знаков.

2. Структурное (VI). Не повторяя звучания китайского знака, тангутский знак напрямую отсылает нас к начертанию исходного китайского. В данном случае в одном тангутском знаке объединяются два китайских.

3. Смысловое (III, IV, V). Знаки, использованные в таких названиях, не перекликаются с китайскими наименованиями ни фонетически, ни структурно; вместе с тем буквальный перевод тангутского термина позволяет с большой долей уверенности утверждать, что, создавая его, тангуты учитывали буквальный перевод китайского названия растения. При этом, например, в случае древовидного пиона, с которым тангутов познакомили китайцы, это смысловое влияние исчезающе мало.

Наконец, нами отмечен один случай (VIII), когда тангутское название совершенно оригинально и не пересекается с китайским ни в какой степени. Более того, мы считаем, что тангутское название относится к иному виду, чем то, что обозначено китайским переводом.

Без сомнения, представления тангутов о важнейших видах декоративных растений находились под сильнейшим влиянием китайцев, что неудивительно — ведь никто в регионе не мог сравниться с китайцами по богатству и разнообразию традиций садового и паркового дела, разработанности ботанической терминологии. Однако в этой области тангуты сохранили значительную самобытность, нашедшую отражение в разделе, посвященном декоративным деревьям.

Необходимо отметить еще один интересный факт: составитель словаря начинает раздел, посвященный растениям, с декоративных цветов и деревьев. Аналогий подобному подходу нет: перед нами яркая иллюстрация самобытности тангутского менталитета. Мы считаем, что представитель земледельческой цивилизации начал бы с перечисления полезных, съедобных растений, составляющих основу хозяйства²⁸. Однако для автора «Перла» решающую роль сыграли кочевые корни тангутской цивилизации: не воспринимаемая растения, подобно земледельцам, в качестве потенциальной пищи, кочевники обычно более чутки к эстетической стороне природы. Этому, конечно, способствует и менее напряженный образ жизни кочевника, который много времени проводит в дороге, в размышлениях и наблюдениях за окружающим миром — роскошь, которой земледелец фактически лишен. Если наше предположение верно, то перед нами еще один аргумент в пользу того, что, глубоко и искренне восприняв китайскую культуру, в значительной степени позабыв свое степное прошлое ради городов и пашен, тангуты остались самими собой.

Литература

- Ботанический атлас 1963 — Ботанический атлас / Под общей ред. Б.К. Шишкина. М.—Л.: Издательство сельскохозяйственной литературы, журналов и плакатов, 1963.
- Вэньхай баюнь 2000 — *Ши Цзинь-бо, Накадзима Мики* и др. 史金波, 中嶋幹起等. Дэн-но: сори «Бункай Хо:ин» кэнкю 電腦処理《文海宝韻》研究 (Компьютерная обработка «Драгоценных рифм моря письмен»: исследование). Токио: 不二出版 (Фуцзи шуппан), 2000.
- Голубой берилл 1994 — Атлас тибетской медицины. Свод иллюстраций к тибетскому медицинскому трактату XVII в. «Голубой берилл». М.: Галарт, 1994.
- Гулэ Маоцай 1989 — *Гулэ Маоцай* 骨勒茂才. Фань хань хэ-ши чжан-чжун чжу 番漢合時掌中珠 (Тангутско-китайский [словарь] “Своевременный перл в ладони”) / Сост. Хуан Чжэнь-хуа, Не Хун-инь, Ши Цзин-бо 黃振華, 聂鴻音, 史金波. Инчуань: 寧夏人民出版社 (Нинся жэньминь чубаньшэ), 1989.
- Кравцова 2010 — *Кравцова М.Е.* Хуан Цюань. — Духовная культура Китая: Энциклопедия. Т. 6: Искусство. М.: Восточная литература, 2010, с. 752–754.
- Крюков, Малявин, Софронов 1984 — *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М.: Наука, ГРВЛ, 1984.
- Кычанов 1987–1989 — Измененный и заново утвержденный кодекс девиза царствования Небесное процветание (1149–1169). Изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и примеч. Е.И. Кычанова. В 4-х книгах. Серия «Письменные памятники Востока», LXXXI, 1–4. Т. I–IV. М.: Наука, ГРВЛ, 1987–1989.
- Кычанов 2006 — Словарь тангутского (Си-Ся) языка. Тангутско-русско-англо-китайский словарь / Сост. *Кычанов Е.И.*, сосост. *Аракава С.* (荒川 慎太郎). Киото: Kishimoto Printing Co., 2006.

²⁸ К сожалению, понять принципы, согласно которым названия трав и деревьев расположены в главах *Эр я*, не так-то просто, если вообще возможно. В любом случае, перечень трав в этом древнейшем словаре открывается не садовыми декоративными растениями, а распространенными горными травами — диким луком и полынью, — сбор которых играл немалую роль в жизни каждого китайского крестьянина (*Эр я* 1997, цз. 8, с. 2625).

- Кычанов 2008 — *Кычанов Е.И.* Культура Си Ся: письменность, просвещение, музыка, живопись. — *Кычанов Е.И.* История тангутского государства. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008.
- Ли Фань-вэнь 1994 — *Ли Фань-вэнь* 李范文. Сун-дай си-бэй фан-инь: «Фань хань хэ-ши чжан-чжун чжу» дуй-инь яньцзю 宋代西北方音: 《番漢合時掌中珠》對音研究 (Местное произношение северо-запада эпохи Сун: сравнительное изучение встречаемых звуков в «Тангутско-китайском [словаре] “Своевременный перл в ладони”»). Пекин: 中國社會科學出版社 (Чжунго шэхуэй-кэсюэ чубаньшэ), 1994.
- Ли Фань-вэнь 1997 — *Ли Фань-вэнь* 李范文. Ся-хань цзы-дянь 夏漢字典 (Тангутско-китайский словарь). Пекин: 中國社會科學出版社 (Чжунго шэхуэй-кэсюэ чубаньшэ), 1997.
- Море письмен 1969 — Море письмен. Факсимиле тангутских ксилографов. Пер. с тангутского, вступит. статьи и приложения К.Б. Кепинг, В.С. Колоколова, Е.И. Кычанова и А.П. Терентьева-Катанского. Ч. I–II. М.: Наука, ГРВЛ, 1969.
- Невский 1960а — *Невский Н.А.* Материалы для изучения тангутского произношения. — *Невский Н.А.* Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах. Т. I–II. М.: Издательство восточной литературы, 1960. Т. I, с. 107–131.
- Невский 1960б — *Невский Н.А.* Очерк истории тангутоведения. — *Невский Н.А.* Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах. Т. I–II. М.: Издательство восточной литературы, 1960. Т. I, с. 19–32.
- Невский 1960в — *Невский Н.А.* Тангутская филология. Исследования и словарь в двух книгах. Т. I–II. М.: Издательство восточной литературы, 1960.
- Неглинская 2010 — *Неглинская М.А.* Ювелирные украшения. — Духовная культура Китая: Энциклопедия. Т. 6: Искусство. М.: Восточная литература, 2010, с. 325–329.
- Соколов-Ремизов 2010 — *Соколов-Ремизов С.Н.* Сы цзюнь-цзы. — Духовная культура Китая: Энциклопедия. Т. 6: Искусство. М.: Восточная литература, 2010, с. 705.
- Софронов 1968 — *Софронов М.В.* Грамматика тангутского языка. Т. I–II. М.: Наука, ГРВЛ, 1968.
- Терентьев-Катанский 1993 — *Терентьев-Катанский А.П.* Материальная культура Си Ся. М.: Восточная литература, 1993.
- Хань-цзы гу-цзинь инь-бяо 1999 — Хань-цзы гу-цзинь инь-бяо 漢字古今音表 (Таблицы древнего и современного произношения китайских иероглифов) / Сост. Ли Чжэнь-хуа, Чжоу Чан-цзи 李珍華, 周長楫. Сю-дин бэнь 修訂本 (Исправленное издание). Пекин: 中華書局 (Чжунхуа шуцзюй), 1999.
- Хань-юй да цыдянь 1997 — Хань-юй да цыдянь 漢語大詞典 (Большой словарь китайского языка). Под ред. Ло Чжу-фэна 羅竹風. Со-инь бэнь 修訂本 (Издание уменьшенного формата). Шанхай 漢語大詞典出版社 (Хань-юй да цыдянь чубаньшэ), 1997. Т. 1–3.
- Эр я 1997 — Эр я чжу-шу 爾雅注疏 (Комментированный [словарь] изысканных синонимов и глосс [к каноническим книгам]). — Шисань цзин чжу-шу 十三經注疏 (Комментированное тринадцатикнижие). Т. I–II. Шанхай: 上海古籍出版社 (Шанхай гуцзе чубаньшэ), 1997. Т. II.
- Chandra Das 1902 — A Tibetan-English Dictionary with Sanskrit synonyms / By *S. Chandra Das*. Calcutta: Bengal Secretariat Book Depôt, 1902 (Repr.: Delhi: Winsom Books India, 2000).
- Clauson 1972 — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: The Clarendon Press, 1972.
- Goldstein 2004 — The New Tibetan-English Dictionary of Modern Tibetan / Ed. *M.C. Goldstein*. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers Pvt. Ltd., 2004.
- Ivanov 1909 — *Ivanov A.* Zur Kenntnis der Hsi-Hsia Sprache // Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg. VI série. Tome III, SPb.: Типография Императорской Академии Наук, 1909, p. 1221–1233.

- Kwanten 1982 — *Kwanten L.* The Timely Pearl: A 12th Century Tangut Chinese Glossary. Bloomington: Indiana University, 1982.
- Lama Dawasandup Kazi 1919 — An English-Tibetan Dictionary / Comp. by *Lama Dawasandup Kazi*. Calcutta: Baptist Mission Press, 1919. (Rpr. New Delhi: Munshiram Manoharlal Publishers Pvt. Ltd., 1990.)
- Mahmud al-Kasgari 1982 — *Mahmud al-Kasgari*. Compendium of the Turkic Dialects (*Dīwān Luḡāt at-Turk*) / Ed. and transl. by *R. Dankoff, J. Kelly*. Vol. I–III. Harvard: Harvard University Printing Office, 1982.
- Ricci 2001 — Grand dictionnaire Ricci de la langue chinoise. Vol. I–VI, Index. Paris–Taïpei: Desclée de Brouwer, 2001.
- Ricci des plantes 2005 — Dictionnaire Ricci des plantes de Chine; chinois-français, latin, anglais / Par *F. Fèvre, G. Métailié*. Paris: Cerf, 2005.